

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, НЕ ИМЕЮЩИЕ СООТВЕТСТВИЙ В СИСТЕМЕ СЛОВ, В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Мисенёва В. В.

*ХГПУ им. Г.С. Сковороды, аспирантка кафедры русского языка и общего
языкознания*

В современной лингвистической науке активно разрабатываются проблемы фразеологии: исследуется фразеологический состав языков, его место в языковой картине мира. В связи с этим вопрос о том, что вкладывать в понятие «картина мира», «модель мира», какие направления существуют в области изучения указанных объектов, является важным и актуальным.

Разработкой проблемы картины мира занимались многие лингвисты [Апресян 1995, Брутян 1973, Караулов 1976, Морковкин 1970, Соколовская 1988, Сукаленко 1992, Яковлева 1996 и др.], но каждый трактует этот вопрос по-своему, и единого мнения о методах изучения целостной языковой картины мира пока ещё нет.

Р. А. Брутян [1973:109], рассматривая указанный вопрос с философской позиции, утверждает, что если в человеческом сознании правомерно выделение чувственной и рациональной (логической) моделей действительности, то и в языке также возможно представление «картины мира» в форме концептуальной (понятийной) и языковой (словесной) моделей. Такой подход был принят многими учёными [Караулов 1976, Никитина 1995, Сукаленко 1992 и др.], так как он даёт возможность «показать роль языка в формировании картины мира в сознании людей» [Брутян 1973: 108], более чётко и полно представить, как отражается окружающая действительность в нашем сознании. Выделенные учёными две модели взаимосвязаны и обладают определёнными свойствами: языковая модель мира (ЯММ) – фрагментарна, более подвижна, отражает постоянные изменения в окружающем человека мире; концептуальная модель мира (КММ) – универсальна, упорядочена, характеризуется большей устойчивостью и системностью. Кроме того, ЯММ организована по законам языка, тогда как КММ – по законам физического мира, что делает её богаче и интереснее. Что касается общих черт, то обе эти модели «представляют собой способ существования лексики в сознании носителя» [Караулов 1976: 273, 274] и помогают в воссоздании целостной картины мира.

Ю. Д. Апресян отмечает, что картина мира включает наивную (или языковую) и научную модели, причём наивная картина мира «отражает материальный и духовный опыт народа» [Апресян 1995: 57]. Это мнение перекликается с точкой зрения Т. Г. Никитиной [1995:70], которая выделяет научную и обыденную (житейскую) картины мира, считая их разновидностями

КММ. Н. И. Сукаленко [1992:6] также подчёркивает наличие в языке обыденной (или наивной) картины мира, которая является «продуктом длительного исторического развития и объектом межпоколенной передачи опыта» и соответственно включает многообразие форм и уровней проявления обыденного сознания: эстетическое освоение человеком реального мира, отражение действительности в практике повседневного труда, быта и т. д.

Сравнение изложенных подходов даёт основания сделать вывод о том, что они не противоречат друг другу. В КММ можно выделить фрагменты, которые отражают обыденное сознание и научное. Очевидно, данные элементы отличаются по объёму информации. В языке названное противопоставление тоже находит отражение, что проявляется в значениях слов.

Приняв оппозиции КММ – ЯММ, наивная картина мира – научная картина мира, лингвисты стали перед необходимостью выбора подходов к анализу названных объектов. Один из наиболее интересных подходов представлен в работах Ж. П. Соколовской, которая исследует ЯКМ, опираясь на категории познания и сферы бытия [Соколовская 1979, 1990, 2000 и др.]. Анализ языкового материала по указанным параметрам поможет выявить взаимосвязь между разными сферами бытия и взаимообусловленность категорий познания.

В процессе дальнейшей разработки вопроса об отражении действительности в языке было внесено ряд уточнений в представление о характере и объёме информации в ЯММ. В научной литературе обосновано положение о многоуровневом характере отражения действительности, проявляющемся в разнородности и отражаемой информации (номинация, характеристика, оценка, выражение отношения), и типов единиц, с помощью которых информация фиксируется (слово, фразема, пословица, поговорка, художественное произведение) [Пелепейченко 2000: 94].

Информация, соответствующая КММ, фиксируется при помощи слов и фразеологических единиц (ФЕ). Основным средством номинации является слово. В многочисленных работах доказано, что ФЕ служит чаще не номинативным целям, а коннотативным, выполняя функцию не номинации, а отражения чувств и эмоций носителей языка [Брутян 1973, Караулов 1976, Сукаленко 1992, Телия 1996 и др.]. Такое разделение функций между словами и ФЕ представляется логичным и очень удобным: слово – номинация и коннотация, ФЕ – коннотация. Но, как это часто бывает, языковой материал ставит под сомнение правомерность такой чёткой дифференциации и нарушает стройность логических построений: в языке функционирует много фразем, которым нет соответствий в системе слов. Если ФЕ создаётся только для обозначения чувств и эмоций человека относительно той или иной реалии, то логично предположить, что сама реалия номинирована словом. А если слова для обозначения реалии нет, то возникает целый ряд вопросов: почему его нет, насколько необходимо номинирование, как и почему языковое сообщество обходится без него, как «справляется» фразема с необычной для неё функцией номинации, в какой мере ограничивается коннотативная функция и

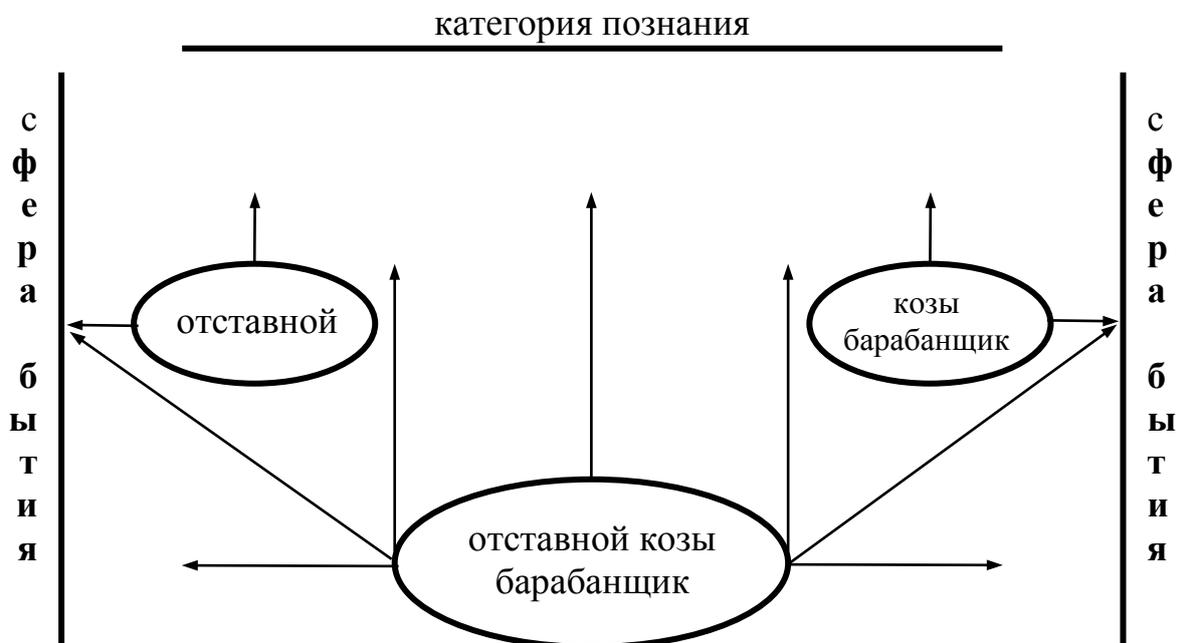
ограничивается ли вообще и т. д. Но, на наш взгляд, самым интересным является вопрос о том, какое место в ККМ занимает представление о соответствующей реалии, а в ЯКМ – соответствующая фразема. Обратимся к анализу последнего из названных вопросов.

ФЕ, не имеющие соответствий в системе слов, относятся к разным сферам бытия и связаны с такими категориями познания, как пространство, время, движение, качество, отношения, состояние. Рассмотрим подробнее группу ФЕ, характеризующих человека.

Из словарей с использованием метода сплошной выборки было выписано 90 фразеологических оборотов. Исследование показало, что ФЕ данной подгруппы занимают место в том фрагменте ЯКМ, которая характеризует такие особенности человека, как: социально-общественное положение (*последняя спица в колеснице, отставной козы барабанищик, ноль без палочки, человек в футляре, мелкая сошка, ворона в павлиньих перьях, птица высокого полёта и др.*), физические качества (*коломенская верста, лужёная глотка, с тяжёлой рукой, от горшка два вершка, косая сажень в плечах и др.*), нравственные качества (*большое сердце, рыцарь без страха и упрёка, широкая натура и др.*), жизненный опыт (*травленный волк, тёртый калач, стреляный воробей, из молодых да ранний и др.*), интеллектуальные особенности и эрудиция (*голова еловая, ходячий университет, ходячая энциклопедия, семи пядей во лбу и др.*), профессиональные и творческие качества (*мастер на все руки, золотые руки, бойкое перо*). Как же объяснить причину того, почему языковой коллектив в данном случае предпочёл для номинации свойств и качеств характера человека именно фраземы? Обратимся к примерам и рассмотрим, какие особенности отличают ФЕ *отставной козы барабанищик* от слова. Приведённая ФЕ является отражением наивного сознания носителей языка. Если рассматривать уровни отражения действительности, то следует отметить, что фразема, взятая для анализа, принимает самое непосредственное участие уже в первом уровне языкового отражения действительности – номинации. Однако в данном случае, имеет место не простое наименование, а осложнённое, так как в указанном имени выражается и характеристика объекта, и его оценка окружающими. Таким образом, фразеологический оборот отражает сразу два уровня отражения действительности: наименование и наименование с выражением чувств, эмоций. Номинарующая деятельность человека привела к тому, что наименование получил объект действительности, который можно охарактеризовать так: человек, посредственный в социальном плане. Но для наименования данного объекта в языке есть слово *посредственность*. И всё же нельзя утверждать, что ФЕ *отставной козы барабанищик* и слово *посредственность* семантически эквивалентные единицы. В значении фраземы отражена ещё и информация об отношении окружающих к данному человеку, о его социальном статусе, а отрицательная оценка выражена более ярко, чем в лексической единице (ЛЕ) *посредственность*. Если в значении

указанного слова актуализируется отрицательная оценка только рациональная, то в значении ФЕ и рациональная, и эмоциональная.

Обратим внимание, что ФЕ эффективнее выполняет функцию выражения чувств, эмоций и оценок, и это объясняется тем, что словосочетание позволяет актуализировать разные фрагменты ЯКМ и увязывать разные категории познания и сферы бытия. Опираясь на этимологию фраземы, сочетание *kozy барабанщик* мы отнесём к сфере бытия «духовная культура», к категории познания «общение». Значение ЛЕ *отставной* связано в сознании носителей языка со сферой «социальный статус» и категорией познания «отношение в обществе». Таким образом, компонентный состав ФЕ апеллирует сразу к нескольким сферам бытия и категориям познания, что и делает его более ярким в ЯММ. Схематически это можно показать так:

Как видим, уже по своим генетическим возможностям слово проигрывает фраземе. Исследование ФЕ каждой из представленных подгрупп показало, что специфическими чертами фразеологических оборотов, не имеющих соответствий в лексической системе, являются:

1. Способность ФЕ связывать разные сферы бытия и категории познания.
2. Способность ФЕ представлять дополнительную информацию, детализирующую объект.
3. Способность ФЕ связывать несопоставимые сферы бытия.
4. Способность ФЕ совмещать первый и второй уровни окружающей действительности.

Другие особенности фразем исследуемой группы, представляющие их статус в ЯКМ, ещё предстоит выяснить.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. - 1995. - № 1. - С. 37-67.
2. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка: Избранные труды. - М.: Школа «Языки русской культуры», Изд. фирма «Восточная лит-ра» РАН, 1995. - (Язык. Семантика. Культура). - Т. 1. - 472с.
3. Брутян Р. А. Язык и картина мира // НДВШ. Философские науки. - 1973. - № 1. - С. 108-115.
4. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. - М.: Наука, 1976. - 335с.
5. Морковкин В. В. Идеографические словари. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. - 71с.
6. Никитина Т. Г. К вопросу о классификационной схеме фразеологического идеографического словаря // Вопросы языкознания. - 1995. - № 2. - С. 69-81.
7. Пелепейченко Л. Многоуровневый характер отражения действительности в языковой картине мира // Вісник Львів. ун-ту. - Вип. 28. - Львів, 2000. - С. 87-95.
8. Соколовская Ж. П. Система в лексической семантике: Анализ семантической структуры слова. - Киев: Вища школа, 1979. - 189с.
9. Соколовская Ж. П. Проблемы системного описания лексической семантики. - К.: Наукова думка, 1990. - 184с.
10. Соколовская Ж. П. Исследования по лексической семантике. Книга 7. Методические указания к написанию дипломных работ, докладов на спецсеминарах, кандидатских диссертаций по лексической семантике. - Симферополь: Крымское учебно-педагогич. гос. изд-во, 2000. - 128с.
11. Сукаленко Н. И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. - К.: Наукова думка, 1992. - 160с.
12. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
13. Яковлева Е. С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. - 1996. - № 1-2-3. - С. 47-56.

Мисенёва Виктория Викторовна

ХГПУ им. Г. С. Сковороды

аспирантка кафедры русского языка и общего языкознания

г. Харьков, ул. Героев труда д. 4, кв. 48

т. 68-23-29